

БЕЛОРУСЫ *

Перепись 1897 года насчитывает в Российской империи 5.885.547 белорусов. Однако цифра эта вряд ли может считаться точной; различные соображения местной политики, предвзятость, с которой подходили к собиранию данных организаторы переписи, отсутствие национального самосознания среди широких народных масс, — все это делает данные о национальном составе вообще, а о числе белорусов, в частности, мало достоверными.

Более заслуживают доверия научные исследования по этому вопросу профессора Карского, который, руководствуясь лингвистическими особенностями белорусов, исчисляет их количество в Белоруссии цифрой свыше 8 миллионов.

По отдельным губерниям белорусы распределяются следующим образом: в *Виленской губернии* белорусов 1.076.435 человек; они занимают почти всю губернию, исключая уезды: Трокский (населенный преимущественно литовцами), северную часть Виленского и около одной трети Лидского и Свенцянского, где проходит этнографическая граница с Литвой. В *Витебской губернии* (в Витебском, Полоцком, Городокском, Велижском, Дриссенском, Лепельском, Моцинском и Невельском уездах) живет 976.638 белорусов. В Гродненской губернии их 861.640 человек; живут в большей части губернии, сливаясь на юге (в Бельском и Пружанском уездах) с украинцами, на западе (в Белостокском уезде) с поляками, а на севере — на окраине Гродненского уезда, севернее Друскеник — с литовцами. В *Минской губернии*, не считая Пинского уезда и половины Мозырского (вследствие особенностей говора Карский и Довнар-За-

* Статья из сборника "Формы национального движения в современных государствах" под ред. А.И. Кастелянского. Издание т-ва "Общественная польза", С-Петербург, 1910 г., стр. 383-395.

польский относят эту часть губернии к Украине), мы находим 1.775.069 белорусов. Могилевскую губернию они заселяют сплошь, достигая здесь цифры 1.650.069. В Смоленской губернии почти целая половина (восточная) занята сплошь великоросами; однако профессор Карский все же считает эту губернию белорусской и определяет число живущих здесь белорусов цифрой 947.826 человек.

Кроме этих шести губерний, белорусы сплошной массой врезаются еще в иноплеменное население некоторых соседних губерний. Так, в чисто литовской Ковенской губернии треть населения Новоалександровского уезда составляют белорусы (около 60.000 человек), в Августовском уезде Сувалкской губернии (по данным 1888 г.) число белорусов достигает 22.390 (возможно, что в настоящее время эта цифра уменьшилась вследствие быстрой ассимиляции), в Илукстенском уезде Курляндской губернии — 20.981 (по сведениям 1902 г.), наконец в Черниговской губернии численность белорусов достигает 700.000 человек; здесь почти весь Городнянский, Новозыбковский, Суражский, Мглинский и Стародубский, а также часть Новгород-Северского уезда населены белорусами.¹

Белорусы делятся в настоящее время на две неравные вероисповедные группы — православных и католиков, причем численное отношение первых ко вторым равно приблизительно 3 : 1 (установить с точностью соответствующие цифры трудно, так как со времени объявления закона о веротерпимости переход из православия в католичество достиг значительных размеров). Мы подчеркиваем этот религиозный дуализм потому, что последствия его сказываются на всей культурной жизни белорусского народа: белорусы-католики более подвержены влиянию польской культуры (они употребляют также польский алфавит), в то время как белорусы-православные легче поддаются (велико) русскому культурному влиянию.

Но если в последние века в жизни Белоруссии важную роль играют поляки и великоросы, то в более отдаленном прошлом на судьбы белорусов оказала сильное влияние Литва.

В течение XII—XIV веков она подчинила себе все западно-русские области и объединила вокруг себя все западно-русские племена, не поддавшие под влияние Москвы. Это вновь образо-

вавшееся литовско-русское государство, лишь в незначительной части населенное литовцами, не только не уничтожило самобытной культурной жизни подчиненных племен, но наоборот всецело подчинилось их культурному влиянию. Завоеватели переняли у завоеванных язык, отчасти религию и т.д. При Ольгерде белорусский язык, общий объединенным западнорусским племенам, стал официально государственным языком Великого Княжества Литовского и вошел во всеобщее употребление у культурных слоев литовского народа; вплоть до времен Стефана Батория все грамоты, все государственные акты составлялись в литовском государстве на белорусском языке. Создалась печатная белорусская литература довольно разнообразного содержания. В конце XV столетия на белорусском языке был издан Статут Казимира Ягеллона; в XVI — Статут Литовский, исправлявшийся и переиздававшийся несколько раз, трибунал Великого Княжества Литовского и целый ряд других изданий.

Множество белорусских литературных памятников оставили по себе религиозные диспуты между православными и католиками в конце XVI и начале XVII веков.²

Однако уже в XVII веке начинается упадок белорусской общности и культуры. Литература глохнет и мало-помалу совершенно исчезает. Белорусский язык вытесняется из государственной жизни и выходит из употребления в общественном и домашнем обиходе не только среди литовской, но и среди чисто белорусской интеллигенции. Его место занимает польский язык. То, чего не в состоянии были сделать в свое время литовцы, сделали теперь поляки. Польское владычество совершенно изменило общую картину Белоруссии и сообщило этому краю совершенно новый колорит, как в культурном, так и в социально-политическом отношении.

Надо, однако, заметить, что во времена польского владычества белорусы все же не теряют своего национального своеобразия. Они продолжают жить самобытной жизнью, сохраняя свои обычаи, верования и, что важнее всего, свою народную (устную) литературу и свой язык.³

Совершенно новую эру в национальной жизни белорусов открывает собой обрусительная политика русского правительства.

в 1839 г. упраздняется уния, служившая крепким оплотом белорусской народности. В 1867 г. воспрещается печатание белорусских произведений — в особенности латинским шрифтом. В то же время усиленные репрессии против поляков ведут к тому, что они, борясь за сохранение своей национальности в так называемом Северо-Западном крае, делают всевозможные усилия для увеличения местного польского элемента и тратят немало сил и энергии на ополячивание белорусского населения. Польская культура, оказывавшая и прежде немалое влияние на белорусов совершенно независимо от политических соображений, становится теперь орудием политической борьбы. И пока поляки укрепляли свое влияние на католическую часть белорусов, русификаторы овладели всеми сколько-нибудь интеллигентными силами из среды православного населения. К тому же русский элемент получал еще специальное подкрепление в лице множества чиновников, присланных из коренной России и постепенно пропитывавших казенным патриотизмом сверху до низу всю местную жизнь.

Такова была политическая и культурная обстановка, в которой протекала до последнего времени жизнь белорусов. Еще тягостнее экономическое положение края — в значительной мере результат тех же ненормальных политических условий.

В то время, как большинство белорусов занимается земледелием (76% населения), им принадлежит всего 47% земли, и у значительной части белорусских крестьян земли не хватает даже для прокормления семьи. А отсутствие денежных средств и дороговизна кредита (мелиоративного кредита здесь нет; земство, которое могло бы в этом направлении оказать известное влияние, в трех губерниях "упрощено", в двух — совершенно отсутствует) еще более обостряет экономическое положение крестьянства, тем более, что земля, после запрещения покупать ее лицам польского происхождения (1863 г.) долгое время была совершенно изъята из обращения. Правда, наделение крестьян землей происходило в Белоруссии при благоприятных для них условиях, так как правительство, желая, по-видимому, опереться на крестьянство в своей борьбе с поляками, взяло его под свое покровительство (тогда как наделы помещичьих крестьян в центральных губерниях колеблются между 2,2 и 2,9 десятины

на душу, они в Белоруссии варьируют между 3,6 и 5,1 десятины у помещичьих крестьян и между 5,6 и 6,6 десятины — у государственных). Однако *способ* наделения отличался и здесь теми же недостатками, что и во всей остальной России, и сделал правильное развитие крестьянского хозяйства невозможным.⁴

В очень жалком состоянии находится также и местная промышленность. Кустарное производство служит существенным подспорьем населению лишь в очень немногих местах. Фабрично-заводская промышленность, производящая ежегодно во всем крае на незначительную сумму в 70-80 миллионов рублей, не в состоянии занять и десятка тысяч рабочих. К тому же своеобразные политические условия поставили Белоруссию в своего рода автономное положение весьма своеобразного свойства: мы имеем в виду хотя бы те повышенные тарифы, которые установлены для экспорта некоторых товаров из Белоруссии, в то время как тарифы для импорта тех же товаров из России понижены;⁵

Забитость и апатия — вот продукт исторических, политических и экономических условий, в которых складывалась жизнь белорусов. Не удивительно, что о национальном самосознании долгое время здесь не приходилось и говорить: лишенный прав, приниженный и оскорбляемый белорус стал сам смотреть на себя как на низшее существо, стал сам стыдиться всего, что отличало его от "панов", стал презирать свой родной язык и отрекаться от него. И если белорусская народная масса и сохранила свой язык и свои бытовые особенности, то все же для ее эмансипации и национального возрождения нужен был сильный толчок извне. И такой толчок был дан лишь начавшимся в последние годы во всей России освободительным движением.

Необходимо отметить, что спорадические попытки восстановить белорусскую письменность, заглошшую много лет назад, имели место в течение всего прошлого столетия. В конце XVII века появилось на белорусском языке первое после долгой спячки белорусов художественное произведение, написанное на их родном языке — "Энеида наизнанку", написанная в подражание "Энеиде" Котляревского. XIX век дает целый ряд художественных белорусских произведений (перечень их можно найти у Карского — "Белорусы"); одни из них являются переделками

или подражанием произведениям народной поэзии, другие носят дидактический характер, третьи — религиозный и политический. К последним относятся прокламации об Унии и о польском восстании в 1863 г., изданные революционерами, равно как и антипольские листки, издававшиеся русским правительством.

Характерно отношение к белорусскому языку авторов белорусских произведений в различные эпохи. В XVI веке Скорина, Будный, Ходкевич, Тяпинский и др. печатали свои труды по-белорусски ради "выразумения простых людей" (Гр. Ходкевич. Предисловие к Учит. Еванг. 1569 г.). Но уже в конце XVIII и в XIX веках белорусские писатели смотрят на родной язык иначе: в их глазах это не только средство для достижения практических целей, но уже в известном смысле и самоцель. Стремление к возрождению белорусского языка ясно выражено также в предисловии к сборнику стихотворений Мацея Бурачка (Ф. Богусевича) „Dudka bielaruskaja”.⁶

Творения белорусских писателей и поэтов прошлого столетия не смогли, однако, дать толчок развивающемуся на наших глазах белорусскому национальному движению. Политически неосведомленные, забытые народные массы, к которым лишь в очень скудном количестве проникала белорусская литература, не могли быть выбиты из своей спячки силой одного отвлеченного лозунга. Зачатки белорусского движения носили характер более спорадический и отличались полной неорганизованностью. Лишь в конце 90-х годов прошлого века было положено начало первой, весьма ничтожной организации. Это был кружок учащейся в средних учебных заведениях города Минска молодежи, к которому примыкали и некоторые посторонние элементы. Целью кружка было изучение Белоруссии и белорусов, собиранье народных произведений, издание современных художественных произведений, а также разработка белорусского национального вопроса. Кружок был проникнут чисто демократическими идеями, и в его среде вскоре стала выдвигаться мысль о том, что эмансипация белоруса как человека и гражданина неразрывно связана с эмансипацией белорусской национальности. Эта мысль легла в основу всего белорусского движения. Несколько энергичных членов этого кружка попали в Петербург в высшие учеб-

ные заведения и тотчас же приступили к организации белорусской молодежи. На их призыв откликнулось несколько десятков уроженцев Белоруссии, которых объединяло общее желание поднять белорусскую культуру, развивать белорусский язык и добиваться признания за этим языком прав гражданства как в общественной жизни, так и в школе. Для пропаганды белорусских идей в 1902 г. было основано в Петербурге "Общество белорусского народного просвещения".⁷ И в то время, как это общество работало над национальным возрождением белорусов, оставаясь в рамках чисто культурной деятельности, в его среде наметилось иное направление, ставившее культурные задачи в тесную связь с политической самостоятельностью и экономической борьбой.

Зимой 1902-1903 гг. эта радикальная группа, к которой примкнул ряд отдельных лиц в провинции, положила основание первой белорусской *политической* организации под названием "Белорусская революционная громада", ставившей себе целью борьбу за политическое и экономическое освобождение и призывавшей вместе с тем белорусскую интеллигенцию к культурной работе для развития и поддержания белорусской национальности. По своим политическим взглядам она приближалась к народникам.

В конце 1903 г. "Белорусская революционная громада" переименовалась в "Белорусскую социалистичную громаду" с ярко выраженной социалистической программой, содержащей, между прочим, и требование для Белоруссии возможно более широкой самостоятельности. Отметим, что белорусский язык, на котором в этот период издается различная нелегальная литература, является пока лишь служебным орудием для распространения в народе демократических идей.

В 1904-1905 гг. наряду с прочими вопросами, выдвинутыми на повестку дня, поднимается и вопрос о самоуправлении для белорусского края. Этот вопрос горячо обсуждается на съездах интеллигентов в Вильне, на которых встречаем представителей всех национальностей, населяющих Северо-Западный край. Поднимался он и в союзе автономистов-федералистов, в котором принимали участие и представители от белорусов. В Минске он вызвал к жизни особую организацию — кружок автономистов,

завявшийся разработкой проекта автономии Белоруссии и определением круга функций местного сейма и отношения его к всероссийскому парламенту. Местом сейма предполагалось Вильно, что вызвало, между прочим, горячие споры с литовцами, не желавшими общей автономии для всего Северо-Западного края. Требование автономии для Белоруссии находим мы и в программе Белорусской социалистичной громады, принятой вторым партийным съездом в самом начале 1906 г. Программа эта заключает в себе еще два небезынтересных пункта, относящихся к области национальных требований: культурно-национальная автономия (пропорциональный культурный бюджет) для всех местных народностей и национализация школы.

За два года сильнейшего революционного подъема особенного развития достигла также и белорусская *революционная поэзия*. Вся эта литература, брошенная в народ в благоприятный момент, не могла не оказать сильного влияния на народную психику. Вместе с пробуждением гражданского достоинства как логическое последствие его в забытых белорусах стало пробуждаться и национальное чувство. То тут, то там, в период повсеместных митингов, раздаются не только на крестьянских сходках, но и на рабочих собраниях белорусские речи. Кроме партийных ораторов говорят с трибуны по-белорусски ораторы-самородки, не имевшие ранее никакого контакта с политическими организациями. На митингах в Вильне, Нововилейске и других местах целые группы рабочих после речей белорусских ораторов объявляли себя белорусами и выражали желание присоединиться к белорусской партии. При Белорусской социалистичной громаде в Минске основывается особая рабочая организация; там же, позднее, образовался союз мелких чиншевиков и арендаторов, носивший белорусский национальный оттенок. С другой стороны, по инициативе возникшего в до-думский период Белорусского крестьянского союза, в Первую государственную думу посылаются крестьянские приговоры и наказания, в которых, между прочим, заключаются требования автономии Белоруссии с сеймом в Вильне и национальной белорусской школы.

Вместе с ростом белорусского национального движения в нем замечается некоторая дифференциация, ведущая к обособлению двух течений: культурнического и революционного —

тех же течений, впрочем, которые существовали и в дореволюционное время, но в решительный момент политического подъема слились в одно русло. Явление это стало сказываться уже во время Первой думы, и с тех пор, по мере спада революционной волны, культурническое течение крепнет и выдвигается на первый план. Произошло это, однако, далеко не сразу.

Революционное течение еще долго занимает видное место, постепенно даже расширяя свою деятельность. Разраставшееся движение достигло той точки, когда нелегальные листки, политические брошюры и сборники стихотворений оказались не в силах удовлетворить его запросы. Чувствовалась необходимость создания белорусской легальной периодической прессы, без которой все движение могло бы заглохнуть. И вот, в первых числах сентября 1906 г. в Вильне выходит в свет первый номер легальной еженедельной газеты "Наша доля" на белорусском языке. Чтобы удовлетворить и католиков и православных, "Наша доля" печаталась сразу двумя отдельными изданиями: русским и латинским шрифтом. Успех газеты был чрезвычайно велик, но существование ее было непродолжительно: после неоднократных конфискаций она на шестом номере прекратила свое существование. Газета эта явилась последним проявлением яркого революционизма, если не считать еще двух небольших политических брошюр, вышедших уже после ее закрытия.

Культурническое течение между тем крепнет и расширяется. Вопрос о национализации школы становится злободневным, и идея введения в школах белорусского языка ждет немедленной реализации. Является потребность в учебниках; для удовлетворения ее в Петербурге основывается белорусское издательское товарищество (выдауничкая суполка "Загляне сонцэ и у нашэ ваконцэ"). В 1906 г. оно издает "Беларуски лемэнтар" (букварь) и "Першае чытаньне" — книжку для первоначального чтения. Каждая книжка выходит двумя изданиями — русским и латинским шрифтом (в последнем введены чешские сокращения: *Š* вместо *CZ*, *Š* вместо *SZ*). В следующем году появляется третья книжка для школы: "Гутарки аб неби и зямлі", изданная лишь русским шрифтом. Кроме школьных пособий "Суполка" приступила к печатанию произведений белорусских "песьняроу". Кроме того, в 1907 г. в Минске учреждается второе

издательское товарищество "Минчук".

Главной выразительницей идеи национального возрождения белорусов становится "Наша Нива" — белорусский еженедельник, издающийся с ноября 1906 г. в Вильне (латинским и русским шрифтом). Шаг за шагом, расширяя круг читателей, преимущественно деревенских и местечковых, "Наша Нива" проникает в самые глухие углы Белоруссии. Под ее влиянием начался между прочим заметный поворот во взглядах народных учителей на введение "простого" языка в школу. В мае 1907 г. состоялся съезд белорусских учителей, приведший к организации "Белорусского учительского союза", в программе которого мы встречаем требование первоначального обучения детей на родном белорусском языке, а для подготовки учителей — изучения местных языков в учительских семинариях. Вслед за этим образовалась "Белорусская национальная хэура" — союз учащихся в Глуховском учительском институте (в Черниговской губернии), который также ставит своей целью национальные школы.

Идея национальной школы местами уже реализуется. Нам известен ряд школ, конечно, частных, где обучение детей ведется по-белорусски (в Могилевской, Минской и Виленской губерниях). Спрос на учителей для таких школ растет.

Вместе с тем среди некоторой части белорусов возник вопрос о создании национальной церкви, которая уничтожила бы антагонизм, ныне искусственно раздуваемый, между католиками и православными белорусами. Мысль инициаторов естественно обратилась к унии — старой вере белорусов. Однако до настоящего времени для восстановления ее почти ничего реального не сделано. Не сделано ничего и для введения белорусского языка в католической церкви: слишком сильна оппозиция духовенства.

* * *

Таков путь, таковы формы национального движения у белорусов. Каковы будут конечные результаты его — предугадать трудно: здесь приходится учитывать, во-первых, совершенно неизбежное и естественное влияние двух великих соседних цивили-

лизаций, а, во-вторых, — искусственную русификацию и полонизацию, о которых уже говорилось выше; в какой мере белорусскому движению суждено будет парализовать силу обоих этих факторов, трудно сказать.

Интересно отметить отношение к белорусскому национальному движению со стороны русских и польских консервативных кругов. Д-р И. Святыцкий характеризует это отношение следующим образом:

"Если лозунги русской консервативной группы можно свести к формуле официального патриотизма — самодержавие, православие и народность, с соответствующими дополнениями, вроде 'кто не признает этой формулы — бунтовщик и изменник', 'белорусы могут быть только православными', 'злейшие враги белорусов — поляки и евреи', 'белорусы не должны создавать своей особой литературы — русская их вполне удовлетворяет', — то польская шовинистическая группа внесла в приведенную формулу лишь незначительные изменения: вместо самодержавия она поставила всепольскую идею, вместо православия — католицизм, врагами белорусов оказываются великоросы; белорусы должны удовлетворяться польской литературой и т.д."

И в то время как польские консерваторы в белорусском движении видят антипольскую интригу, обрусители считают все движение интригой польских ксендзов и панов.

Но если при враждебном отношении со стороны наиболее влиятельных в культурном смысле народностей белорусское национальное движение все же крепнет и развивается, если особые циркуляры и всякого рода правительственные мероприятия не в состоянии задержать его рост, то это, несомненно, доказывает значительную силу движения и жизненность белорусской национальности.

Примечания

¹ Профессор Карский насчитывает еще до 200.000 белорусов в следующих трех великорусских губерниях: в Брянском и Трубчевском уездах Орловской губернии белорусы составляют, по его словам, почти 1/8 всего населения (около 38.484); в южных частях Великолуцкого, Торопецкого и Опочецкого уездов Псковской губернии около 42.000. Затем в Тверской губернии в 50-х годах прошлого столетия было до 125.000 белорусов; однако в силу сильного поглощения их великорусской культурой эта цифра, вероятно, значительно уменьшилась.

² Между прочим сохранился богатый материал и в частных письмах, старинных инвентарях и прочих документах, написанных по-белорусски. Дошли до нас даже образцы белорусского ораторского красноречия, например, речь Ивана Мелешки, смоленского кастеляна, произнесенная им на Сейме в Варшаве в присутствии короля.

³ О развитии белорусского языка дает некоторое представление белорусский словарь Ивана Носовича, изданный в 1870 г. Академией наук и содержащий в себе свыше 30 тыс. слов. Карский находит, однако, что в числе этих 30 тыс. отсутствуют еще весьма многие белорусские слова, не говоря уже о словах общих белорусскому наречию с русским и украинским. См. также труды Романова, Штейна, Федоровского и др. Библиография у проф. Карского: "Белорусы" (Варшава, 1903 г.).

⁴ Впрочем, несмотря на неблагоприятные условия, в крестьянском хозяйстве Северо-Западного края можно отметить некоторый прогресс или, по крайней мере, тенденцию к прогрессу. Господствующая трехпольная система местами сменяется четырехпольной; примитивные орудия понемногу вытесняются более усовершенствованными; нередко встречается и искусственное удобрение. Стремление к переходу к хуторскому хозяйству в Белоруссии и соседних с ней губерниях проявляется сильнее, чем в остальной России. В то же время среди помещичьих хозяйств часто встречаются образцовые, поставленные на капиталистических основах. В относительном (по сравнению с большей частью России) прогрессе сельского хозяйства у белорусов сильно сказывается близость границы, культурное влияние Запада, шедшее через Польшу, и торговые отношения с Европой, установившиеся еще несколько веков назад, благодаря удобным путям сообщения (например, по рекам Неману и Западной Двине). На укрепление и развитие торговли с заграничной оказала свое влияние и хорошо организованная внутренняя торговля. Последняя сосредотачивается не только в немногочисленных больших городах, но

производится (что особенно важно) в массе мелких местечек, населенных преимущественно евреями, играющими, как известно, чрезвычайно видную роль в местной торговле; и таким образом, сельское население имеет возможность на местных рынках сбывать все, что только дает сельское хозяйство, равно, как и получать нужные ему продукты, что, понятно, имеет огромное значение для крестьянского хозяйства.

⁵ Промышленность Белоруссии тесно связана с промышленностью Литвы, страдающей от тех же причин; и заслуживает внимания, что в лице различных синдикатов и союзов промышленники стремятся объединить здесь производство всего Северо-Западного края. Таковы союзы пивоваров, кожевников, спичечный синдикат, союз лесопромышленников и т.п.

⁶ "Аб нашай бацькавай спрадвечная мове, — говорит автор, — каторую мы сами, да и не адны мы, а усе людзе цемные 'мужыцкай' завуць, а завецца яна 'Беларускай'... Мова наша есьць такая-ж людзкая и панская, як и французская, альбо нямецкая, альбо и иншая якая... Яко добра, а навэт трэба знаць суседзкую мову але найперш трэба знаць сваю... Шмат было таких народау, што найперш страцілі мову сваю... а патым і сусім заміралі. Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не умерлі. Пазнаюць людзей па адзежы, хто яку носіць, ... язык і есьць адзежа душы".

⁷ В 1903-1904 гг. вышли в свет два первых издания Общества: "Колыбельная Чытанка" и "Великодная Чытанка" — небольшие литературные сборники новейших произведений на белорусском языке.